

ЗА КУЛИСАМИ ПЕЧАТИ.

(Отрывки воспоминаний старого журналиста).

I.

Мои встрѣчи.—М. И. Семевскій объ исчезновеніи «дневниковъ».—Чиновникъ, общественный дѣятель, историкъ, редакторъ и птицеводъ.—Экспромпты, сочиненные авансомъ.—Сочинители автографовъ.—Типы и силуэты.—Стасюлевичъ и Менделѣевъ о классицизмѣ.—Адвокаты-писатели: Е. И. Утинъ.—В. Д. Спасовичъ.—А. Я. Пассоверъ.—Л. А. Куперникъ.—Погоня за именитыми писателями.—Насильственное чествованіе.—Комическій эпизодъ съ А. В. Амфитеатровымъ.

ИЗДАТЕЛЬ и редакторъ «Русской Старины», покойный Михаилъ Ивановичъ Семевскій, часто высказывалъ сожалѣніе о томъ, что въ наступившую съ 60-хъ годовъ бурную и торопливую эпоху вышелъ изъ моды добрый стародавній обычай—вести дневники, отмѣчать изо дня въ день всѣ достопримѣчательныя событія личной и общественной жизни. Такіе дневники-лѣтописи, ведомые людьми, прославившимися впоследствии на какихъ-либо поприщахъ, служили бы отличнымъ матеріаломъ для «Русской Старины», гдѣ и находили себѣ мѣсто уцѣлѣвшіе отъ прежняго времени дневники, мемуары и разныя семейныя хроники, имѣвшіе для Семевского еще ту привлекательную сторону, что за нихъ не всегда приходилось платить гонораръ.

Какъ журналистъ, приходившій въ соприкосновеніе со множествомъ лицъ, власть имущихъ и отъ власти страждущихъ, и рабо-

тавшій всегда «волнуясь и спѣша», я, разумѣется, дневниковъ не велъ, видѣннаго и слышаннаго не записывалъ. Въ предлагаемыхъ здѣсь отрывкахъ изъ моихъ воспоминаній факты и характеристики излагаются поэтому не въ хронологическомъ порядкѣ.

Разъ зашла рѣчь о М. И. Семевскомъ, я начну свои воспоминанія съ него. Это будетъ какъ бы посвященіе его памяти, вполне уместное въ историческомъ журналѣ.

Кто былъ причастенъ къ печатному слову въ концѣ прошлаго вѣка, не могъ не знать добрейшаго Мих. Ив. Севекаго. Его можно было встрѣчать почти во всѣхъ редакціяхъ, либеральныхъ и не либеральныхъ, гдѣ онъ являлся *persona gratissima*...

Севекаскій былъ баловнемъ судьбы. Человѣкъ дѣятельный, энергичный и общественный, онъ работалъ одновременно на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Онъ и на военной, педагогической и государственной службѣ преуспѣвалъ, дослужившись до генеральскаго чина и знаковъ отличій; онъ былъ товарищемъ головы перваго въ Россіи города—Петербурга; онъ издавалъ двадцать три года историческій журналъ «Русскую Старину», въ которомъ помѣщались мемуары многихъ видныхъ дѣятелей изъ военнаго и бюрократическаго міровъ, и написалъ рядъ монографій («Царица Праксѣя», «Семейство Монсовъ», «Историческіе рассказы» и др.).

Севекаскій умѣлъ вскрывать затворы и замки недоступныхъ для него архивовъ. За излишнее усердіе въ этомъ отношеніи онъ получилъ однажды высшій выговоръ отъ императора Александра III. Государь, когда Севекаскій представлялся ему, высказался отрицательно относительно печатанія въ «Русской Старинѣ» матеріаловъ не вполне исторической давности.

Не было общества,—до общества птицеводства включительно,—въ которомъ Севекаскій не состоялъ бы членомъ. Онъ числился даже членомъ какого-то лондонскаго общества. Я не помню ни одного банкета, юбилея или поминальнаго торжества, гдѣ Севекаскій не говорилъ бы экспромптовъ, которые запасливо приносилъ съ собою въ карманахъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и любезно раздавалъ газетнымъ хроникерамъ или самъ разсылалъ по редакціямъ. Въ качествѣ гласнаго и товарища городского головы, Севекаскій являлся неизмѣннымъ инициаторомъ всякихъ юбилейныхъ и поминальных чествованій.

— Первый признакъ культурности,—говаривалъ Михаилъ Ивановичъ,—это умѣніе отличать своихъ выдающихся согражданъ...

Въ редакціи и на торжества Севекаскій являлся съ записными книжками, куда всѣ сколько-нибудь извѣстные писатели и дѣятели должны были заносить свои автографы, въ видѣ сентенцій, автобіографическихъ замѣтокъ и т. п. Люди болѣе выдающіеся отличались въ такихъ случаяхъ лаконизмомъ, а менѣе выдающіеся обнаруживали излишнюю словоохотливость.

— А вы, Михаилъ Ивановичъ, надѣюсь, не для печати предназначаете всѣ эти записи?—спросилъ его однажды при мнѣ покойный В. О. Михневичъ, привлеченный къ отбыванію автографической повинности.

— О, нѣтъ! У меня въ шкапахъ и портфеляхъ хранятся воспоминанія современныхъ дѣятелей, которыя появятся чрезъ двадцать пять, пятьдесятъ и больше лѣтъ, когда насъ съ вами на свѣтѣ ужъ не будетъ,—отвѣтилъ Семеvскій.

Многіе сочинители автографовъ были увѣрены, что опубликованіе ихъ записей послѣдуетъ не скоро и высказывались болѣе или менѣе откровенно. Оказалось, что Семеvскій собралъ накопившіеся у него съ 1867 по 1888 гг. автографы и отпечаталъ ихъ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Знакомые» (альбомъ М. И. Семеvскаго). Одни были зѣло разочарованы, особенно видные бюрократы, имѣвшіе неосторожность полиберальничать въ своихъ записяхъ, другимъ льстило сосѣдство съ именитыми сочинителями автографовъ. Издатель альбома, привыкшій раскапывать «семейныя хроники» знаменитыхъ соотечественниковъ, поступилъ «по-семейному» и съ составителями автографовъ. Его не остановило даже то, что инныя записи дѣлались, по его словамъ, подъ «эшафе». Одинъ автографистъ ограничился указаніемъ одного своего имени, забывъ написать фамилію: «подъ вліяніемъ алкогоя»—пояснилъ издатель «Альбома»...

Такъ-то удружилъ Семеvскій своимъ «знакомымъ»!

Однимъ изъ первыхъ моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ былъ хорошо извѣстный въ свое время адвокат-писатель Евгеній Исааковичъ Утинъ. Это былъ человѣкъ ярко-либеральнаго образа мысли, авторъ многочисленныхъ политическихъ писемъ, литературныхъ и критическихъ статей и дорожныхъ очерковъ въ «Вѣстникѣ Европы». Либеральное боевое крещеніе Утинъ получилъ еще на студенческой скамьѣ, поплатившись въ 1861 году Петропавловскою крѣпостію за студенческую исторію.

Какъ адвокатъ, Е. И. Утинъ отличался своими слезливыми рѣчами. Часто онъ, бія себя въ грудь, призывалъ присяжныхъ засѣдателей помнить евангеліе, которое неизмѣнно цитировалъ въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ. По извѣстному Нечаевскому процессу Утинъ произнесъ одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ рѣчей. Со своими подзащитными человѣколюбивый адвокатъ не порывалъ сношеній и послѣ суда, помогая многимъ изъ нихъ и матеріально.

Е. И. Утинъ былъ сынъ извѣстнаго откупщика. Приносилъ ли пользу отечеству своими откупамъ родоначальникъ семьи Утиныхъ, сказать не берусь, но, несомнѣнно, заслужилъ признательность потомства, давъ родинѣ цѣлое поколѣніе полезныхъ дѣятелей.

лей. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, былъ талантливый профессоръ права; другой, Николай,—дѣятель освободительнаго движенія 60-хъ годовъ и эмигрантъ, третій, донинѣ здравствующій Яковъ,—государственный мужъ, бывшій оберъ-прокуроръ сената и видный промышленный и банковскій дѣятель, четвертый—Евгеній Утинъ. Дочь Утина-отца—вдова заслуженнаго ученаго, писателя и редактора М. М. Стасюлевича.

Попалъ я къ Утину при слѣдующихъ условіяхъ. Это было въ 70-хъ годахъ. Хорошо извѣстный адвокатъ А. Я. Пассоверъ спросилъ меня однажды, не пожелаю ли я заняться составленіемъ каталога и приведеніемъ въ порядокъ богатѣйшаго книгохранилища, состоявшаго изъ книгъ самого Е. И. Утина и унаслѣдованныхъ имъ отъ брата-профессора. Рыться въ книгахъ я любилъ и поспѣшилъ откликнуться на предложеніе Пассовера, отправившись немедленно къ Утину, только что переѣхавшему на уголъ Бассейной и Эртелева переулка. Работа доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ, особенно отдѣлъ книгъ, находившихся въ то время подъ запретомъ.

У Утина я и встрѣчалъ популярныхъ тогда профессоровъ, сотрудниковъ «Вѣстника Европы», свѣтила адвокатуры и съ интересомъ слушалъ ихъ бесѣды на злобы дня. Чаше всего бывалъ покойный М. М. Стасюлевичъ, съ которымъ я и впослѣдствіи встрѣчался не разъ. Авторъ «Исторіи среднихъ вѣковъ» и редакторъ «Порядка», по остроумному каламбуру Михневича, и въ своей редакторской, литературной и общественной дѣятельности предпочиталъ золотую середину и прррядокъ. Такимъ былъ М. М. и въ частной жизни. Онъ располагалъ къ себѣ своею благообразною наружностью, сдержанными манерами и тихой и кроткой рѣчью.

Много лѣтъ спустя послѣ встрѣчъ со Стасюлевичемъ въ квартирѣ Утина, я по порученію редакціи провинціальной газеты явился къ М. М., чтобы привѣтствовать его по поводу какого-то его юбилея. Въ разговорѣ я упомянулъ о своей бесѣдѣ наканунѣ съ Д. И. Менделѣевымъ. Знаменитый химикъ со свойственною ему рѣзкостью обрушился на классицизмъ, противъ котораго немало воевалъ въ толстовскую эпоху и самъ Стасюлевичъ.

— Надо прогнать изъ всѣхъ гимназій,—кричалъ Менделѣевъ,— всю эту классическую сволочь, всѣхъ этихъ нѣмцевъ и чеховъ, посадить туда техникувъ и инженеровъ, перестать пичкать головы юношей классическою дрянью и умственной соломою, а давать имъ здоровыя реальныя техническія познанія! И тогда Россія, въ нѣдрахъ которой лежатъ нетронутыми неизсякаемыя богатства, зацвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ...

— А вы бы сказали Менделѣеву,—замѣтилъ Стасюлевичъ:— что онъ преувеличиваетъ значеніе промышленныхъ знаній и преуменьшаетъ роль классическихъ наукъ. Самъ вѣдь знаменитый

химикъ—классикъ по своему образованію, и это не помѣшало ему стать тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался. Вотъ мы и въ нашихъ городскихъ школахъ желали бы держать бѣдныхъ дѣтей до 15—16-лѣтняго возраста на общемъ образованіи, а тамъ уже направлять ихъ по ихъ природнымъ наклонностямъ. Пожалуйте въ нашъ только что выросшій на Васильевскомъ островѣ грандіозный сборный училищный домъ и вы увидите кстати, какъ у насъ дѣло хорошо поставлено. Пусть ваша провинція подражаетъ намъ...

И Стасюлевичъ съ любовью сталъ рассказывать о своемъ дѣтищѣ—общихъ училищныхъ домахъ.

У Е. И. Утина я встрѣчалъ знаменитаго автора «Курса уголовного права», рѣдкаго знатока славянскихъ литературъ и свѣтило адвокатуры В. Д. Спасовича.

Спасовичъ, не имѣвшій почти тогда соперниковъ въ искусствѣ судоговоренія (хотя, какъ извѣстно, Златоустомъ отнюдь не былъ и часто запинаясь), въ своихъ бесѣдахъ чаще всего касался литературы. Любилъ онъ русскихъ классиковъ, но еще больше распинаясь за мало оцѣненныхъ у насъ великихъ польскихъ писателей. Польскія симпатіи Спасовича, такъ рельефно сказавшіяся въ издававшемся имъ «Atheneum» и въ газетѣ «Kraj», также были мало оцѣнены его полусоплеменниками (Спасовичъ былъ смѣшаннаго происхожденія), не одобрявшими его культурныхъ стремленій, чуждыхъ политикѣ.

Мнѣ пріятно отмѣтить, что Спасовичъ относился съ большою благожелательностью къ русской журналистикѣ и былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ обѣдовъ и собраній журналистовъ.

Помню, однажды какой-то адвокатъ сталъ небрежно выражаться при немъ о «газетчикахъ». Спасовичъ остановилъ его:

— Да знаете ли вы, что газетчикамъ мы обязаны двумя третями нашей извѣстности и славы! Если бы всѣ газеты дали обѣтъ воздержанія отъ упоминанія именъ адвокатовъ, то многія свѣтила померкли бы, а о существованіи другихъ и не подозрѣвали бы...

Въ то время газеты посвящали много столбцовъ судебнымъ процессамъ, помѣщая часто подробные стенографическіе отчеты.

Да и процессы тогда, сейчасъ послѣ судебной реформы, были все крупные, монструозные...

Знаменитый цивилистъ А. Я. Пассоверъ интересовался въ одинаковой мѣрѣ всѣми продуктами человѣческаго ума и генія, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ пожертвованные послѣ его смерти академіи наукъ восемьдесятъ ящиковъ и шкаповъ съ книгами по всѣмъ отраслямъ знаній на разныхъ языкахъ.

Въ 60-хъ годахъ Пассоверъ помѣстилъ въ «Московскомъ Сборникѣ» статьи «Иудея и Римъ», а въ «Разсвѣтѣ»—«Диллетантизмъ и еврейскій вопросъ» и готовилъ диссертацию («объ англійскомъ приходѣ»), имѣя въ виду занять предложенную ему каведру, но молодой ученый не пожелалъ креститься, былъ назначенъ товарищемъ прокурора и перешелъ затѣмъ въ адвокатуру.

— За необращеніемъ въ православіе,—шутить Пассоверъ,—обращенъ въ адвокатуру...

— Отчего вы, А. Я., ничего не пишете?—спросили какъ-то Пассовера.

— Писать должны тѣ,—отвѣтилъ онъ:—кто чувствуетъ призваніе создать нѣчто выдающееся, гениальное, сказать міру новое слово... Изъ двухъ-трехъ чужихъ книгъ составить одну плохую—заслуга не большая. И безъ того библіотеки засорены всякимъхламомъ...

Тѣмъ не менѣе Пассоверъ не переставалъ обогащать свою библіотеку всѣми русскими и иностранными книжными новинками и рѣдкими старинными книгами, поддерживая постоянно сношенія со всѣми извѣстными антикваріями, русскими и иностранными...

У адвокатскаго пюпитра и на конференціяхъ молодыхъ адвокатовъ, которыми онъ руководилъ, Пассоверъ поражалъ глубиною своего ума, неотразимой логикою и рѣдкою эрудиціею. Онъ являлся въ судъ безъ портфеля и конспектовъ и цитировалъ наизусть десятки статей законовъ, многочисленныя сенатскія разъясненія и относившіеся къ дѣлу документы, поражая всѣхъ своею памятью.

Одинъ извѣстный адвокатъ говорилъ мнѣ:

— Ни для кого не секретъ, что въ сенатѣ дѣла часто предрѣшаются. Но когда по дѣлу долженъ былъ выступать Пассоверъ, опрокидывавшій своими толкованіями и находчивыми заключеніями всякія предвзятые рѣшенія, послѣднія не составлялись авансомъ. Старцы-сенаторы слушали адвоката съ затаеннымъ дыханіемъ. Многія положенія права, впервые высказанныя Пассоверомъ, легли въ основу руководящихъ рѣшеній кассационнаго департамента сената...

Самъ Пассоверъ, не любившій въ частныхъ бесѣдахъ говорить о себѣ,—не помню уже по какому поводу,—разсказывалъ мнѣ, какъ ему удалось реабилитировать старика, обвинявшагося въ подлогѣ цѣннаго документа. Экспертиза почерковъ не отличалась еще безспорностью своихъ выводовъ. Свидѣтели были противъ обвиняемаго, но въ сенатѣ Пассоверъ возбудилъ вопросъ объ экспертизѣ со стороны окулиста, который, быть можетъ, докажетъ, что почеркъ на поддѣльномъ документѣ не могъ принадлежать человѣку съ даннымъ устройствомъ глаза. При новомъ пересмотрѣ дѣла обвиняемый былъ оправданъ.

Къ защитѣ Пассоверомъ ихъ интересовъ па судѣ обращались часто города и земства...

Знаменитый адвокат отличался своими оригинальными взглядами на жизнь и людей, какъ и своею оригинальною наружностью. Онъ былъ всегда въ высокомъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы фракѣ и въ свѣтлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, съ которыми не разставался даже и въ обществѣ.

Казалось, онъ имѣлъ и застегнутое па всѣ пуговицы сердце, но близкіе люди знали многочисленные факты, свидѣтельствовавшіе объ его отзывчивости на все прекрасное, возвышенное и доброе.

Живя на Англійской набережной, Пассоверъ отправлялся въ зданіе окружнаго суда на Литейномъ пѣшкомъ, удлиняя нарочно дорогу и заглядывая попутно къ букинистамъ.

Въ обыкновенное время онъ носилъ платье англійскаго покроя, что вполнѣ гармонировало съ его англоманією. Говорили, что Пассоверъ выступалъ даже съ успѣхомъ на судѣ въ Англии.

Я явился однажды къ А. Я. Пассоверу со студентомъ петербургскаго университета Варшавскимъ, предложивъ ему пожертвовать что-либо въ пользу студенческой кассы. Хотя онъ внесъ свою лепту, но счелъ нужнымъ развить предъ нами свои взгляды на университетское образованіе. Выходило, что люди, лишенные средствъ, не должны тянуться къ высшему образованію, разъ оно имъ непсіельно, что наукѣ надо отдаваться всецѣло, не отвлекаясь грошовыми уроками, чтеніемъ корректуры и собираніемъ подачекъ.

Намъ не трудно было опровергнуть пассоверовскій софизмъ перечисленіемъ именъ великихъ людей, выбившихся изъ бѣднаго класса на торную дорогу науки и прославившихъ свои имена величайшими открытіями и научными завоеваніями. Напротивъ, полная матеріальная обезпеченность,—говорили мы,—часто располагаетъ къ нѣгѣ, лѣни и ничегонедѣланію.

Если не всегда можно было соглашаться съ Пассоверомъ, то слушать его было истинное наслажденіе, хотя его рѣчи отличались простотою и чужды были риторическихъ красотъ.

Знаменитый цивилистъ велъ замкнутый образъ жизни и избѣгалъ всякой шумной общественной дѣятельности. И мнѣ пришлось однажды засвидѣтельствовать въ извѣстномъ домѣ у Цѣпного моста его благонадежность и непричастность къ политикѣ.

Случайно я былъ арестованъ съ письмомъ къ сосланной въ Сибирь студенткѣ Клейнъ, отправленнымъ ей чрезъ меня ея родителями изъ провинціи, не знавшими объ ея судьбѣ. Я былъ обысканъ, причемъ у меня обнаружено было письмо отъ одесскаго присяжнаго повѣреннаго къ своему петербургскому другу Пассоверу. Послѣдній былъ взять «подъ сумлѣніе», въ письмѣ совершенно безобиднаго свойства была усмотрѣна злокозненная аллегорія, и мнѣ стоило не-

мало труда реабилитировать себя и заодно и въ чемъ неповинныхъ адвокатовъ ¹⁾).

Присущая ему скромность заставляла Пассовера уклоняться постоянно отъ всякихъ юбилейныхъ чествованій, но однажды онъ былъ застигнутъ врасплохъ, когда явился на конференцію молодыхъ адвокатовъ, ошеломленный привѣтственными рѣчами покойныхъ Спасовича, Герарда и другихъ свѣтилъ адвокатуры. Когда привѣтственные рѣчи были окончены, юбиляръ въ своемъ пиджакѣ англійскаго покроя занялъ обычное мѣсто за столомъ среди своихъ питомцевъ-адвокатовъ и произнесъ блестящую рѣчь о задачахъ конференціи...

Въ 1881 году Пассоверъ былъ привлеченъ къ участию въ еврейской депутаціи, принятой императоромъ Александромъ III, по ходатайству черезъ графа Н. П. Игнатъева, и его заявленія о правовомъ положеніи еврейской массы произвели впечатлѣніе на государя, заинтересовавшагося, между прочимъ, значкомъ на груди у адвоката: то былъ адвокатскій значокъ, который Пассоверъ носилъ не въ петлицѣ, какъ всѣ, а на груди.

Изъ своихъ провинціальныхъ адвокатовъ-писателей я не могу не вспомнить здѣсь о Л. А. Куперникѣ, безвременно скончавшемся въ разгаръ освободительнаго движенія, для котораго немало поработалъ въ провинціальной печати. Купернику не суждено было дожить до вождедѣнной конституціи, о которой онъ мечталъ всю жизнь.

Извѣстіе о смерти Куперника застало меня въ Абаціи, гдѣ находился тогда и другъ его Н. П. Карабчевскій, подѣлившійся со мною своими воспоминаніями о покойномъ, напечатанными въ одномъ иллюстрированномъ изданіи вмѣстѣ съ моими личными воспоминаніями о Куперникѣ.

За адвокатскимъ попитромъ, въ своей общественной дѣятельности, въ своихъ статьяхъ и докладахъ въ юридическихъ обществахъ Куперникъ всегда ратовалъ за право. Большой знатокъ литературы, онъ успавалъ обыкновенно свои рѣчи подходящими цитатами изъ сочиненій классиковъ. Стилъ у Куперника не былъ витіеватый, но онъ умѣлъ часто смѣшить своимъ юморомъ. Простое, не совсѣмъ красивое лицо популярнаго адвоката преобразалось, когда онъ говорилъ публично. Послѣ одной его рѣчи присутствовавшій на процессѣ министръ юстиціи Набоковъ облобызалъ его и высказалъ ему свой восторгъ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ было разсказано мною въ этомъ же журналѣ, въ очеркѣ, озаглавленномъ: «День у Цѣпнаго моста».

О Куперникѣ циркулируетъ много разсказовъ, но самъ онъ признавалъ нѣкоторые изъ нихъ легендами. Разсказы эти, однако, свидѣтельствуютъ о большой находчивости адвоката.

Защищалъ однажды Куперникъ въ сѣздѣ мировыхъ судей лавочника, обвинявшагося полиціей въ открытіи дверей лавки на четверть часа раньше установленнаго времени. Свидѣтели, выставленные полиціею, подтвердили изложенное въ полицейскомъ протоколѣ.

— И свидѣтели, и полицейскій протоколъ,—началъ защитникъ,—говорятъ противъ подзащитнаго, но, господа судьи, взгляните на часы, висящіе въ этомъ залѣ! Они показываютъ два часа десять минутъ, а на моихъ часахъ—ровно два часа. Если вы, господа судьи, взглянете на свои часы, то увидите, что и они сильно расходятся во времени (судьи невольно схватились за свои часы). Почему же,—продолжалъ Куперникъ,—мы должны допустить, что часы господина околоточнаго, составлявшаго протоколъ, были самые точные и что мой кліентъ учинилъ нарушение 29 ст.? Не въ Гринвичской же обсерваторіи провѣряютъ свои часы господа околоточные надзиратели!..

И лавочникъ былъ оправданъ.

По дѣлу съ управленіемъ государственныхъ имуществъ повѣренный казны ходатайствовалъ объ отложеніи процесса.

— Повѣренный противной стороны,—заявилъ повѣренный,—представилъ такую уйму новыхъ документовъ, что я потерялъ голову...

— Прошу господина представителя управленія государственныхъ имуществъ,—замѣтилъ выступавшій по этому дѣлу Куперникъ,—указать намъ ту статью устава гражданскаго судопроизводства, которая предусматриваетъ потерю головы, какъ поводъ для отложенія дѣла. Если судъ уважить ходатайство противника, то прошу указать ему срокъ, въ теченіе котораго онъ долженъ найти свою потерянную голову...

Въ Кіевѣ былъ суровый судья, на лицѣ котораго ни одинъ смертный не видалъ никогда улыбки во время судебного священнодѣйствія.

— А мнѣ удастся его разсмѣшить!—заявилъ Куперникъ.

И одною изъ своихъ рѣчей остроумный адвокатъ такъ смѣшил грознаго судью, что тотъ заерзалъ на креслѣ и закрывалъ лицо лежавшею предъ нимъ папкою съ дѣломъ, дѣлая видъ, что читаетъ документы...

Въ другой разъ Куперникъ, защищавшій престарѣлую чету, обвинявшуюся въ поджогѣ, сумѣлъ тронуть присутствовавшихъ до слезъ. Плакали подсудимые, вытирали глаза сердобольные слушатели, и даже у одного изъ судей текли по ланитамъ предательскія слезы.

По другому дѣлу о поджогѣ прокуроръ среди другихъ доводовъ сослался на то, что поджигатель выбѣжалъ изъ спальни весь красный и смущенный...

— По какой причинѣ обвиняемый могъ выбѣжать ночью весь красный изъ спальни жены,—замѣтилъ Куперникъ:—на этотъ счетъ возможно и другое предположеніе...

И залъ суда огласился громкимъ хохотомъ.

Одну изъ самыхъ блестящихъ рѣчей своихъ Куперникъ произнесъ при разборѣ кутаисскаго ритуальнаго процесса, окончившагося оправданіемъ его подзащитныхъ—горскихъ евреевъ. По этому случаю въ честь защитника устроенъ былъ въ квартирѣ финансиста А. И. Зака банкетъ, на который онъ явился въ поднесенномъ ему кліентами кавказскомъ костюмѣ.

Купернику, у котораго была большая выѣздная практика, вмѣняли въ вину, что онъ, якобы, пропускалъ сроки своихъ дѣлъ и являлся нерѣдко на защиту прямо съ поѣзда, впервые знакомясь съ обвиняемыми на судѣ. Въ этомъ было большое и опасное для его адвокатской практики преувеличеніе. Я помню, впрочемъ, что Куперникъ, послѣ устроеннаго, по нашей инициативѣ, чествованія П. И. Чайковского въ Одессѣ, отправился утромъ изъ ресторана прямо въ судъ на защиту.

Нападки на Куперника «Одесскаго Листка», откуда онъ ушелъ вмѣстѣ со мною, не остались безъ вліянія на его практику, и онъ переѣхалъ изъ Одессы въ Кіевъ.

Куперникъ былъ женатъ на дочери знаменитаго актера М. С. Щепкина. Его талантливая дочь-писательница носитъ двойную фамилію отца и матери. Одна изъ дочерей Куперника воспитывалась въ Москвѣ, въ классической гимназіи Фишеръ и помѣстила однажды въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» патріотическое стихотвореніе, очень огорчившее отца поэтессы, когда я имѣлъ неосторожность показать ему номеръ газеты.

Писалъ Л. А. Куперникъ фельетоны, статьи по юридическимъ и общественнымъ вопросамъ и объ искусствѣ. Онъ состоялъ много лѣтъ предсѣдателемъ кіевскаго драматическаго кружка, выступалъ на подмосткахъ и былъ директоромъ одесскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

Въ качествѣ предсѣдателя драматическаго кружка, ему пришлось выдержать большую атаку со стороны націоналистическихъ газетъ («Кіевлянина» и «Новороссійскаго Телеграфа») за устройство чествованія въ Кіевѣ знаменитой Сарры Бернаръ послѣ брошеннаго въ ея карету одесскими погромщиками камня. Куперникъ оправдывалъ свою затѣю указаніемъ на то, что искусство не знаетъ національности и что у насъ не разъ чествовали иностранныхъ артистовъ, а въ Европѣ—русскихъ (А. Рубинштейна и другихъ).

Если бы въ провинціи въ мое время было больше такихъ литературныхъ силъ, какъ Куперникъ, то издателямъ не приходилось бы бѣгать взапуски за столичными писателями.

Появленіе на одесскомъ горизонтѣ проѣздомъ именитыхъ писателей изъ столицъ сопровождалось почти насильственнымъ чествованіемъ ихъ. Покойнаго Глѣба Успенскаго редакція «Одесскаго Листка», чтобы насолить конкуренту, заставила, помимо его воли, стать объектомъ чествованія. Его затащили въ ресторанъ, несмотря на упорное уклоненіе. Неоднократно чествуемъ былъ пріѣзжавшій въ Одессу читать лекціи Петръ Вейнбергъ. Затащили въ ресторанъ и находившагося проѣздомъ въ Одессѣ покойнаго П. А. Гайдебурова, который, впрочемъ, остался доволенъ чествованіемъ и по возвращеніи въ Петербургъ похвалилъ въ «Недѣлѣ» одесскихъ собратовъ.

Мнѣ припоминается такой комическій эпизодъ.

Попалъ въ 90-хъ годахъ въ Одессу проѣздомъ съ Балканъ А. В. Амфитеатровъ. О пребываніи его провѣдали мѣстные газеты, и началась погоня за талантливымъ сотрудникомъ. Издатели совали ему авансы, соревновали въ размѣрѣ построчной платы. Амфитеатровъ, видимо, присматривался къ газетамъ и не отказывался отъ переговоровъ съ двумя конкурентами.

Въ назначенное время сотрудники двухъ газетъ—«Одесскихъ Новостей» и «Одесскаго Листка»—со своими редакторами во главѣ собрались въ двухъ расположенныхъ одинъ противъ другого ресторанахъ, гдѣ стали поджидать къ завтраку именитаго сотрудника.

Давно уже пробилъ адмиральскій часъ, и проголодавшіеся сотрудники одной изъ газетъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, когда можно будетъ приступить къ аппетитно сервированной закускѣ. А Амфитеатрова—нѣтъ, какъ нѣтъ! Позвонили къ нему въ гостиницу, откуда сообщили, что писатель уѣхалъ завтракать.

— А давно ли уѣхалъ?

— Около часу будетъ!..

— Не знаете ли вы, въ какой именно ресторанъ поѣхалъ г. Амфитеатровъ?—догадался спросить сотрудникъ.

— Кажется, въ «Петербургскій»...

— Какъ въ «Петербургскій»? Вѣдь мы его ждемъ во «Французскомъ» ресторанѣ.

— Не могу знать!—отвѣтилъ швейцаръ гостиницы.

Позвонили въ «Петербургскій» ресторанъ.

— У васъ завтракаетъ писатель изъ Петербурга Амфитеатровъ?

— У насъ завтракаютъ редакторъ «Одесскаго Листка» г. Навроцкій, г. Дорошевичъ и еще какіе-то господа.

— А нельзя ли попросить къ телефону г. Амфитеатрова?

Но редакторъ «Одесскаго Листка» предусмотрительно принялъ мѣры, чтобы Амфитеатрова къ телефону не допустили. Пришлось откомандировать делегата «Одесскихъ Новостей» и изъять Амфитеатрова изъ объѣздовъ сотрудниковъ «Одесскаго Листка», благо завтракъ подходилъ уже къ концу. Редакція «Одесскаго Листка» пожелала Амфитеатрову хорошаго аппетита и отпустила его съ миромъ.

Амфитеатрову пришлось отвѣдать и меню «Французскаго» ресторана. Повидимому, завтракъ въ «Петербургскомъ» ресторанѣ ему пришелся больше по вкусу, ибо онъ вернулъ «Одесскимъ Новостямъ» полученный авансъ и водворился въ «Одесскомъ Листкѣ».

II.

Смѣшеніе профессій.—Физиологи-публицисты.—В. А. Бильбасовъ и А. А. Краевскій.—Профессоръ, ученый, редакторъ и содержатель гостиницы.—Изъ революціонеровъ въ члены ученаго комитета.—Тургеневъ и два Бакста.—Герценисты.—Мнимое открытіе профессора Тарханова.

Нигдѣ не наблюдается такое смѣшеніе профессій и призваній, такое совмѣщеніе несомѣстимаго, какъ въ нашей печати. Я зналъ врача-сифилидолога, который писалъ рецензіи о музыкѣ, астронома, писавшаго о биржѣ, профессора политической экономіи и редактора, интересовавшагося скачками и бѣговымъ спортомъ. Специалистъ по горнозаводскому дѣлу и экономистъ К. А. Скальковский писалъ о балетѣ и открылъ въ спинѣ танцовщицы Цукки больше поэзіи, чѣмъ во всей итальянской литературѣ. Профессоръ фортификаціи Цезарь Кюи, птицеводъ К. П. Галлеръ, чиновникъ и цензоръ Г. А. Лишинъ и химикъ Бородинъ сочиняли оперы и симфоніи и вели въ газетахъ музыкально-критическій отдѣлъ. Философъ, критикъ и авторъ статей объ иконографіи А. Л. Вольнскій пишетъ нынче о хореографіи. Мой покойный другъ инженеръ-механикъ флота Н. В. Максимовъ служилъ въ Америкѣ кондитеромъ, былъ секретаремъ «New-York-Herald», писалъ превосходныя корреспонденціи съ войны, недурные рассказы и читалъ интересныя лекціи о литературѣ...

Въ «Голосѣ» сотрудничали два знаменитыхъ физиолога, печатавшие статьи по финансовымъ, экономическимъ и политическимъ вопросамъ.

Впрочемъ, и самъ Краевскій былъ въ нѣкоторомъ родѣ совмѣстителемъ. Онъ одновременно подписывалъ, въ качествѣ издателя и редактора, охранительно-либеральный «Голосъ» и радикально-народническія «Отечественныя Записки», но въ «Голосѣ» главнымъ руководителемъ и фактическимъ редакторомъ былъ зять Краевскаго—В. А. Бильбасовъ, а «Отечественныя Записки», послѣ Некрасова, поддерживались тремя китами: Салтыковымъ, Михайлов-

скимъ и Елисеѣвымъ. Да и что могло быть общаго между участвовавшими въ «Голосѣ» видными бюрократами и г. Михайловскимъ!

Для посвященныхъ въ редакціонныя дѣла «Голоса» не было гайной, что Вильбасовъ старался придать газетѣ, державшейся часто при Краевскомъ охранительнаго направленія, болѣе лѣвый оттѣнокъ. Ему принадлежали многіе либеральные эскизы и ядовитыя отсебятины въ передовыхъ статьяхъ. При Краевскомъ, который умѣлъ благополучно вести «Голосъ» между Сциллой и Харибдой тогдашней цензуры, газета продержалась бы, быть можетъ, еще долго. Но Краевскій отдыхалъ на завоеванныхъ имъ на издательскомъ поприщѣ лаврахъ, отдавши дѣлу просвѣщенія подрастающаго поколѣнія въ Петербургѣ.

Послѣ пріостановки «Голоса» въ 1881 году стала выходить подъ фирмою профессора В. И. Модестова «Новая Газета», но форматъ, шрифтъ, адресъ редакціи и конторы слишкомъ явно обличали, что это было второе изданіе «Голоса», что Краевскій лишь перекрасилъ свою старую вывѣску. «Новая Газета» прекратилась послѣ восьмого нумера, а «Голосъ» окончательно сошелъ съ журнальной арены въ 1883 году, когда онъ былъ подчиненъ предварительной цензурѣ.

Черезъ нѣкоторое время кто-то пустилъ слухъ, что «Голосъ» возрождается фیزیологомъ Ціономъ, пріобрѣтшимъ тогда извѣстность своими скандальными исторіями съ профессорами и уволенными изъ-за него студентами медико-хирургической академіи, при чемъ новому издателю обѣщано, будто, покровительство свѣше. Я сообщилъ объ этихъ слухахъ бывшему сотруднику «Голоса» профессору Н. И. Баксту.

— Правда ли,—спросилъ Бакстъ Вильбасова:—что Ціонъ собирается издавать «Голосъ»?

— Если вы меня спросите,—правда ли, что Ціонъ постригся въ монахи и поступилъ въ монастырь,—я этому повѣрю. Если вы скажете, что Ціонъ открываетъ кафешантанъ, я и этому повѣрю: онъ все можетъ. Отчего же не повѣрить, что онъ собирается издавать «Голосъ»? Разумѣется, мы добровольно ему своей фирмы не уступимъ...

Характеристика Ціона, сдѣланная Вильбасовымъ, была «съ подлиннымъ вѣрна». Ціонъ, послѣ столкновенія со студентами, забросавшими его розданными имъ же обличительными брошюрами противъ «невѣжественныхъ» профессоровъ академіи, эмигрировалъ въ Парижъ, былъ представителемъ нашего военнаго вѣдомства, выпустилъ памфлетъ противъ финансовой политики С. Ю. Витте, былъ лишенъ права вѣзда въ Россію и всѣхъ чиновъ, издавалъ одно время «Gaulois» и держалъ въ Парижѣ какую-то гостиницу для именитыхъ иностранцевъ.

При всемъ томъ это былъ выдающійся ученый, которому парижская академія не разъ присуждала преміи. Еще незадолго до

кончины, въ 1911 г., Ціонъ опубликовалъ цѣнный трудъ о строеніи уха. Онъ приобрѣлъ международную славу открытіемъ сердечныхъ нервовъ.

Бильбасовъ умѣлъ давать мѣткія характеристики. Его спросили, какого онъ мнѣнія о редакторѣ одной большой газеты.

— Я знавалъ и видалъ на своемъ вѣку,—отвѣтилъ Бильбасовъ,—талантливыхъ, даже гениальныхъ евреевъ, практическихъ и идеальныхъ, честныхъ и безчестныхъ, но глупыхъ не видалъ. Когда же я встрѣтился съ редакторомъ Х., то убѣдился, что бываютъ и глупые евреи.

Еще болѣе мѣтко выразился о газетѣ покойный Салтыковъ:

— Когда мнѣ приносятъ газету имя рекъ, мнѣ кажется, что дуракъ вошелъ въ комнату.

Н. И. Бакстъ былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательный. Онъ подвизался въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ радикальныхъ кружкахъ Гейдельберга и вмѣстѣ со своимъ братомъ Владимиромъ издавалъ революціонные «Летучіе Листки», гдѣ, между прочимъ, раздѣливали Тургенева за «Отцовъ и дѣтей». Тургеневъ въ долгу не остался и въ своемъ «Дымѣ» вывелъ одного изъ Бакстовъ—Владимира, котораго обезсмертилъ, кажется, и П. Д. Боборыкинъ въ своемъ романѣ «Докторъ Цыбулька».

Около Н. И. Бакста группировались всѣ гейдельбергскіе «герценисты». Самъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Герценомъ и Огаревымъ. Къ нему примкнули устремившіеся въ Гейдельбергъ въ 1861 году русскіе лицеисты, увлекавшіеся естественными науками и лишенные возможности отдаваться имъ, вслѣдствіе закрытія петербургскаго университета.

Николай Бакстъ закончилъ свою карьеру членомъ ученаго комитета, въ генеральскомъ чинѣ и со знаками отличія, какъ и многіе другіе «шестидесятники». Онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ лучшихъ физиологовъ, хорошій газетный публицистъ, энергичный общественный дѣятель, фанатически преданный своему народу, для котораго немало поработалъ въ разныхъ обществахъ, и какъ ярый приверженецъ развитія земледѣльческаго и ремесленнаго труда.

Бакстъ былъ ученикомъ знаменитыхъ Людвигъ и Гельмгольца. Въ качествѣ профессора физиологіи женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ госпиталѣ, онъ требовалъ отъ своихъ слушательницъ, чтобы онѣ знали его любимый предметъ не хуже, чѣмъ онъ самъ. На этой почвѣ у него выходили большія непріятности со слушательницами, сторону которыхъ принимали нѣкоторые искавшіе популярности профессора. Но Бакстъ былъ неумолимъ.

— Если мнѣ скажутъ,—заявилъ мнѣ какъ-то Бакстъ:—что у постели больного женщины-врачи обнаружили незнаніе анатоміи, гистологіи, химіи, я повѣрю. Но если скажутъ, что мои бывшія слушательницы не знаютъ фізіологіи, я скажу, что это враки.

И Бакстъ былъ правъ. Не правъ былъ онъ, когда слишкомъ рѣзко обрывалъ своихъ слушателей.

Экзаменуя студентку, которая, давъ неудовлетворительный отвѣтъ на предложенный ей экзаминаторомъ вопросъ, стала доказывать, что у него въ лекціяхъ какія-то петчпости, Бакстъ ее оставилъ:

— Мой знаменитый профессоръ Людвигъ, когда одинъ изъ его учениковъ заявилъ ему, что предложенный вопросъ неправиленъ: «ist nicht richtig», дотронулся рукою до его лба и воскликнулъ: «Hier ist nicht richtig...»

Слушательница была сконфужена и прекратила свой диспутъ съ профессоромъ.

Бакстъ велъ нескончаемую войну на съѣздахъ естествоиспытателей и въ ученыхъ обществахъ съ другимъ русскимъ фізіологомъ, княземъ Тархановымъ. Въ журналѣ профессора Пфлюгера появился однажды отчетъ о великомъ открытіи, сдѣланномъ будто бы Тархановымъ. На повѣрку, сообщеніе оказалось ядовитою и остроумною мистификаціей. Авторомъ сообщенія считали Бакста, но онъ это рѣшительно отрицалъ.

III.

Ростъ и качественный упадокъ журналистики.—Житель-Незлобпль о «соловьяхъ-разбойникахъ».—Генералъ Грессеръ и садовые рецензенты.—Портной-антрепренеръ и пресса.—Неудавшаяся реклама заводу для выдѣлки шампанскаго.

Гоголь и Тургеневъ завѣщали честное обращеніе съ печатнымъ словомъ. Въ литературу надо входить съ чистыми руками и помыслами, съ горячею любовью и со стремленіемъ служить вѣчнымъ идеаламъ правды, добра и справедливости. За границу, особенно во Франціи, газеты давно уже утратили свое значеніе—проводниковъ такихъ идеаловъ. Онѣ являются тамъ источниками свѣжихъ и интересныхъ новостей и органами той или другой политической партіи. Онѣ выѣзжаютъ на ловкомъ репортажѣ, весь смыслъ котораго—быть по возможности сенсационнѣе и пикантнѣе. Тамъ процвѣтаютъ такъ называемая «publicité», подкупъ печати и промессы. Во Франціи существуютъ даже агенты для подкупа печати, такъ называемые *courtiers de publicité*... Качественно наша печать выше и лучше заграничной. Но она растетъ количественно. Въмѣсто нѣсколькихъ изданій, имѣвшихъ сотни подписчиковъ,

периодическая печать насчитываетъ теперь сотни органовъ съ сотнями тысячъ подписчиковъ и милліонами читателей. Рука объ руку съ количественнымъ ростомъ печати идетъ и ея вырожденіе.

На ряду съ газетами, отличающимися своимъ опрятнымъ и честнымъ направлениемъ и обслуживаемыми убѣжденными и стойкими журналистами, завелись органы, свидѣтельствующіе, что русская пресса мельчаетъ, приобретаая все болѣе и болѣе уличный характеръ. Ловля скандальныхъ и сенсационныхъ сообщеній, вторженіе въ частную жизнь, рекламированіе однихъ за хорошую мзду и разность другихъ за нежеланіе платить,—все это явленія, извѣстныя уже, къ сожалѣнію, и нашей журналистикѣ, по, по счастью, не всей, а только незначительной ея части.

Въ редакцію одной петербургской газеты хроникеръ С—скій доставилъ мнѣ бесѣду съ бывшимъ министромъ А. С. Е—вымъ о землеустроительныхъ дѣлахъ. Хроникеръ этотъ не принадлежалъ къ числу постоянныхъ сотрудниковъ, но бесѣда его была напечатана, какъ не возбуждавшая никакихъ сомнѣній.

На другой день является въ редакцію Е—ловъ съ жалобой.

— Что же вы со мною сдѣлали? Напечатали Богъ знаетъ что, вложивъ мнѣ въ уста слова, которыхъ я не говорилъ!..

Пришлось извиниться и исправить въ ближайшемъ номерѣ указанные Е—вымъ неточности.

— Вы что же это насъ подвели?—спрашиваю я вызваннаго мною въ редакцію С—скаго.

— И не думалъ васъ подводить! Я изложилъ нанточнѣйшимъ образомъ все сказанное мнѣ Е—вымъ, и не моя вина, если онъ сегодня нашелъ неудобнымъ для печати то, что говорилъ вчера. Я всегда пунктуально передаю бесѣды. Спросите, кого хотите. Вамъ могутъ сказать, что я иногда «получаю», и я спорить не стану, но бесѣды, повторяю, я излагаю правильно...

— Какъ это вы «получаете»? Не совсѣмъ понимаю васъ...

— Навѣрный вы человекъ и, видно, праведникъ въ газетномъ Содомѣ. Развѣ вы не знаете, что здѣсь почти всѣ берутъ, что не довольствуются одною мизерною построчною платою?

— Кто же, напримѣръ, беретъ?—полюбопытствовалъ я.

— Говорю вамъ: почти всѣ!..

И С—скій назвалъ мнѣ много именъ, чуть ли не всю русскую азбуку, между прочимъ покойнаго редактора Х.

— Неужели и Х. «беретъ»? Вѣдь онъ зарабатываетъ большія деньги и, кажется, участникъ издательства!..

— Въ томъ-то и горе, что онъ очень жаденъ, и изъ-за этой его жадности я долженъ былъ покинуть газету. Мы съ нимъ не подѣлили. Собирались разоблачить незаконную игру въ одномъ клубѣ. Была уже набрана составленная мною обличительная статья. Оттискъ былъ кое-кому показанъ. Старшина клуба Ж—овъ сталъ

просить о пощаде и предложил известную сумму. Поторговались и сошлись в цене. Х. взял себе львиную долю, а мы отсчитали такие пустяки. Мы и разругались. И вот я явился к вам с предложением своих услуг... А беседы я излагаю всегда правильно...

Разсказанная мной С—ским история одной взятки была, повидному, не вымышленная. Такие же истории происходили в Москве, где шантажный триумvirат (Р—рь, С—вь и О—вь) являлся к купцам с отписками обличительных статей и с требованием «выкупа» за непомятение оных. Компания была выслана из Москвы.

Само собой разумеется, что редакция газеты, где я работал, отказалась от услуг писателя, признававшего недопустимым неточное изложение бесед с сановниками, но находившего в порядке вещей получение взяток.

В начале 90-х годов в «Новом Времени» появился резко написанный фельетон Жителя-Незлобина (Дьякова) под заглавием «Соловьи-разбойники». В фельетон этом беспощадно клеймились некоторые писатели, торговавшие оптом и в розницу печатным словом.

Поводом к грозной филиппике фельетониста послужило мало кому памятная история «садовых рецензентов», высланных покойным петербургским градоначальником генералом Грессером.

Больше всех был скомпрометтирован ныне покойный журналист, по имени Аксель Г—сь, которому стихотворец-драматург Маркярон посвятил остроумное стихотворение, начинавшееся так:

Скажи-ка, брат Аксель,
Берешь ты все по таксь.

Аксель был журналист не без дарования, редактировал газеты, прекрасно владел языками, писал стихи, рассказы, фельетоны, политические статьи, — словом, был и швец, и жнец, и в дуду игрец. Он стяжал бы себе хорошее имя в журналистике, как пользующийся безупречною репутацией брат его, если бы не стал гоняться за крупными кушами, не обзаводился собственными выездами и роскошною квартирою.

О подвигах Акселя стало известно совершенно случайно.

К генералу Грессеру явился на прием купец и гласный думы О—вь, владелец модных магазинов А—па, с просьбою о заступничестве.

— Заступитесь, ваше пр—ство, — взмолился купец: — очень уж обижают...

— Кто же это вас обижает? — спросил градоначальник.

истор. вѣстн., июль 1913 г., т. сxxxiii.

— Да вотъ писатель тутъ одинъ есть...

И О—въ разскалъ Грессеру слѣдующее.

Его возлюбленная Р—ва подвизалась на сценахъ лѣтнихъ театровъ, гдѣ блистала больше нарядами моднаго магазина О—ва, чѣмъ сценическими дарованіями. Въ газетѣ Акселя появлялись самые хвалебные отзывы о Р—вой, которые, кромѣ обычнаго гонорара отъ издателя, щедро оплачивались покровителемъ артистки, но *l'appetit vient en mangeant*... Совершивъ поѣздку за границу и издержавшись въ дорогѣ, какъ Хлестаковъ, Аксель потребовалъ уплаты ему О—вымъ сверхсмѣтнаго бакшиша. О—ва, у котораго дѣла приходили въ упадокъ, кто-то надоумилъ обратиться къ Грессеру. Послѣдній имѣлъ нѣкоторое представленіе о шантажныхъ вымогательствахъ садовыхъ рецензентовъ со словъ близко знакомой ему антрепренерши Линской-Неметти.

— А вы вотъ что сдѣлайте,—сказалъ Грессеръ О—ву:—запишите мнѣ нумера денежныхъ знаковъ, которые имѣются при васъ, и вы ихъ и дадите рецензенту. Два моихъ агента, которыхъ отрекомендуете ему своими пріятелями, должны задержать его съ поличнымъ...

Въ назначенный день рецензентъ явился въ отдѣльный кабинетъ сада «Аркадія», гдѣ засталъ О—ва и его мнимыхъ пріятелей. Послѣ обильнаго ужина наступила расплата. О—въ незамѣтно для пріятелей сунулъ деньги рецензенту, изъ кармана котораго онѣ перешли въ руки агентовъ.

Въ результатѣ—постановленіе о высылкѣ Акселя и, за компанію, еще нѣсколькихъ человѣкъ.

Дознаніе, произведенное агентами полиціи, выяснило, что нѣкоторые рецензенты получали отъ антрепренеровъ мѣсячные оклады, артисты платили разовыя, а содержатели садовыхъ ресторановъ угощали даромъ буттербрдами и ужинами. Отсюда и названіе «буттербродные писатели». Обыкновенно рецензенты платили за ужинъ, но плата полностью возвращалась имъ въ видѣ сдачи: двадцатипятирублевка возвращалась размѣненной или даже съ нѣкоторымъ лишкомъ...

Сами антрепренеры вмѣняли въ обязанность артистамъ и особливо артисткамъ заботиться о благоволеніи прессы.

— На языкѣ антрепренеровъ,—сказалъ мнѣ покойный антрепренеръ и бывшій управляющій увеселителя «Парадиза» Н. Н. Киселевичъ,—это называлось «запасаться паспортомъ».

— У васъ «паспортъ» есть?—справлялся антрепренеръ.

И артисты знали, о какомъ паспортѣ идетъ рѣчь.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ содержатель Демидова сада портной Березъ преподнесъ маститому рецензенту въ день его именинъ серебряный приборъ для бритья, а въ день своихъ собственныхъ именинъ тотъ же Березъ угощаль прессуужиномъ. Писатели

говорили рѣчи о высокомъ значеніи культивировавшагося бывшимъ портнымъ опереточнаго и кафешантаннаго искусства.

Когда ораторы пускали въ ходъ мудренныя слова, портной тревожно озирался кругомъ, не зная, хвалятъ ли его, или ругаютъ.

— Велика подать еще шампанскаго!—говорилъ въ этихъ случаяхъ Березъ женѣ, думая этимъ умиловить прессу...

Послѣ вынужденнаго отъѣзда изъ Петербурга Аксель исчезъ на время съ горизонта, а потомъ объявился въ Одессѣ, гдѣ занялъ амплуа фельетониста «Одесскаго Листка», вмѣсто В. М. Дорошевича, покинувшаго газету изъ-за извѣстнаго недоразумѣнія съ градоначальникомъ-самодуромъ П. А. Зеленымъ.

Редакція, въ лицѣ покойнаго Л. А. Куперника, фельетониста Осы и автора этихъ строкъ, запротестовала противъ участія новаго фельетониста и покинула газету. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» появился тогда вторымъ изданіемъ фельетонъ Жителя, но издатель «Одесскаго Листка» ничуть не смутился этимъ и не пожелалъ разстаться съ Акселемъ. Послѣдній въ бесѣдѣ со мною откровенно сознался, что не прочь получить мзду, если отъ этого не страдаютъ общественные интересы.

— Отчего бы и не взять съ прожектера, инженера или концессіонера, проектирующихъ какія-нибудь общепользныя сооруженія? Во всякомъ случаѣ, если вы будете продолжать свои протесты противъ моего участія въ газетѣ, то я ни передъ чѣмъ не остановлюсь!—пригрозилъ мнѣ Аксель, похлопавъ многозначительно по карману.

— Что это у васъ тамъ?—спросилъ я.

— Маленькій револьверъ...

— Вѣроятно, шоколадный!—замѣтилъ я и разстался съ Акселемъ.

Издатель рекомендовалъ мнѣ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ газету не проникали шантажныя замѣтки.

— Не услѣдишь!—отвѣтилъ я и отрясъ прахъ съ ногъ своихъ.

Что произошло послѣ нашего ухода, сказать не могу.

Г—съ изъ либеральной газеты перешелъ въ черносотенныя изданія и умеръ почти нищимъ.

Впрочемъ, и до водворенія Г—са въ одесской печати нѣкоторые дѣятели журналистики были не безъ грѣха. Къ одному нынѣ здравствующему писателю-фельетонисту покойный издатель газеты обратился съ такимъ предложеніемъ:

— Вы все жалуетесь, что у васъ нѣтъ темъ! А вотъ вамъ прекрасная тема: въ Одессѣ открыть заводъ для выдѣлки шампанскаго купцомъ Родокапаки. Отчего бы вамъ не прикѣтствовать этой новой отрасли промышленности въ нашемъ городѣ? Не все же упрекать русскихъ промышленниковъ въ недостаткѣ предпримчивости!..

Не успѣлъ издатель кончить изложеніе своей темы, какъ два дюжихъ артельщика внесли въ редакцію ящикъ съ шампанскимъ. Издатель смутился, а фельетонистъ предложенною темой не воспользовался...

Кто-то недавно пустилъ въ ходъ апокрифическую бесѣду съ артисткою М. Н. Кузнецовой о прессѣ, о продажныхъ рецензентахъ, объ издателяхъ и редакторахъ, рекламирующихъ въ своихъ газетахъ только артистовъ, играющихъ и поющихъ на ихъ семейныхъ вечерахъ и раутахъ. Бесѣда эта продиктована была стремленіемъ поссорить талантливую пѣвицу съ печатью, но нѣкоторые факты, въ ней изложенные, надо признать не лишенными правдоподобія... Ни для кого не секретъ, что иные рецензенты пасивно навязывали антрепренерамъ своихъ пріятельницъ, часто бездарныхъ, что сообщенія о повредившихъ артисту омарахъ и о любимой кошкѣ премьерши щедро оплачивались, что колоссальныя театральныя объявленія въ нѣкоторыхъ газетахъ—своего рода взятка... Извѣстенъ старый театральнй репортеръ малой прессы З—ръ, нажившій шантажемъ два многэтажныхъ дома...

IV.

Американскіе газетные нравы въ нашей печати.—Газетные Шерлокъ-Холмсы.—Николаевская шинель.—Святочные рассказы въ отдѣлѣ городскихъ происшествій.—Мнимые судебные процессы.—Заграничныя корреспонденціи съ Николаевской улицы.—Реляціи съ театра японской войны на джопкахъ по Крюкову каналу.—Всесвѣтнй корреспондентъ.—Герой двухъ романовъ.—Сіонистъ на православномъ кладбищѣ.

Заграничные, вѣрнѣе, американскіе газетные нравы все болѣе пробиваются и въ нашей журналистикѣ.

Американскіе репортеры славятся своею находчивостью. Подсматрѣть, подслушать, проникнуть въ тайное частное собраніе въ видѣ лакея, съ чисто шерлоковскою ловкостью наводить на бесѣду человѣка, не склоннаго къ интервью,—все это долженъ уметь американскій репортеръ. Русская журналистика лишь теперь вырабатываетъ типъ американскаго репортера, но я встрѣчалъ много лѣтъ назадъ репортеровъ, для которыхъ не существовало закрытыхъ дверей.

Не одинъ покойный король репортеровъ Ю. О. Шрейеръ могъ проникнуть, подъ видомъ услужающаго, на тайный обѣдъ заправиль акціонернаго общества. Я зналъ въ Одессѣ репортера, которому можно было давать самыя, казалось бы, неисполнимыя порученія,—и онъ никогда не ударялъ лицомъ въ грязь. Это былъ покойный хроникеръ одесскихъ газетъ Л—съ, прозванный «николаевской шинелью», съ которой онъ не разставался зимою.

Въ одно прекрасное утро стало извѣстно Л—су, что въ Одессу возвращенъ временно изъ Сибири сосланный туда, по распоряженію

градоначальника П. А. Зеленого, дисконтеръ Хлава Аглицкій, въ виду предстоявшаго разбора дѣла о немъ. Зеленый не желалъ, чтобы въ печать попали какія-либо свѣдѣнія объ Аглицкомъ. И вмѣсто того, чтобы, какъ онъ дѣлалъ это постоянно, предписать редакторамъ, подъ обычными угрозами, не сообщать ничего о дисконтерѣ, градоначальникъ приказалъ смотрителю тюрьмы принять мѣры, чтобы за стѣнами ея не знали ничего объ Аглицкомъ.

— Кто бы васъ ни спрашивалъ, смотрите у меня—нишки! Только мнѣ да прокурору можете отвѣчать на вопросы объ Аглицкомъ. Ослушанія вашего не потерплю...

Но Л—съ зналъ о мѣстонахожденіи дисконтера, зналъ онъ и о распоряженіи всеильнаго градоначальника. Это его не остановило. Вечеромъ въ канцеляріи тюрьмы раздался рѣзкій звонокъ телефона, и изъ аппарата послышался зычный голосъ градоначальника:

— Что Аглицкій? Въ какой онъ тамъ у васъ камерѣ? Кто его навѣстилъ? Былъ ли прокуроръ? Что онъ вамъ говорилъ? и т. д.

Смотритель тюрьмы отрапортовалъ отвѣты на всѣ вопросы.

На слѣдующій день въ газетѣ появилась замѣтка объ Аглицкомъ. Оказалось, что Л—съ имитировалъ характерный баритонъ градоначальника. О мистификаціи репортера знали только въ редакціи, — и она не имѣла для пего никакихъ послѣдствій, такъ какъ градоначальникъ не догадался распорядиться о непомѣщеніи замѣтокъ объ Аглицкомъ. Смотритель оставался при полномъ убѣжденіи, что бесѣдовалъ по телефону съ самимъ градоначальникомъ.

Когда въ городѣ совершались какія-нибудь крупныя преступленія, убійства и т. п., Л—съ опережалъ полицію и слѣдственные власти въ дѣлѣ раскрытія подробностей, воспроизводя часто разговоры, происходившіе между убитыми и не отысканными убійцами.

Ловкій репортеръ въ послѣдствіи самъ попалъ въ хронику происшествій; онъ не удовольствовался своими успѣхами на газетномъ поприщѣ, занялся спекуляціей съ домами, запутался и покончилъ счеты съ жизнью, оплакиваемый издателями.

За оскудѣніемъ сенсационныхъ происшествій допускались измышленія въ отдѣлѣ происшествій. Полиція смотрѣла на это сквозь пальцы. Часто находили въ канавахъ подброшенныхъ малютокъ, которыхъ никто въ глаза не видалъ; старухи время отъ времени бросали въ печь ребятъ и т. д. Даже въ судебномъ отдѣлѣ допускались вымыслы, когда судебная хроника оскудѣвала или мировые судьи, вродѣ знаменитаго петербургскаго Соломона—Трофимова, доставлявшаго обильный матеріалъ газетамъ своими остроумными колѣнцами, бездѣйствовали.

Одинъ старый газетный референтъ Х—мовъ попросту сочинялъ небывалыя судебныя дѣла, разбиравшіяся будто у «одного изъ

мѣстныхъ судей». Каждому мировому судѣ предоставлялось думать, что излагаемое дѣло разсматривалось его коллегой. Когда судебный референтъ сталъ завираться и заставлялъ мировыхъ судей разбирать дѣла, имъ неподсудныя, было обращено вниманіе редактора на полетъ фантазіи судебного референта.

— Что жъ!—сказалъ редакторъ:—*Se non e vero e ben trovato...* Нехорошо, что Х—мовъ завирается, но пусть сочиняетъ и небывалыя дѣла, лишь бы они были правдоподобны и интересны. Читають!..

Теперь въ отдѣлѣ происшествій въ газетахъ—и не только въ органахъ малой прессы—печатаются святочные рассказы и цѣлыя главы изъ уголовныхъ романовъ Евгенія Сю и Понсонъ дю-Террайля, свидѣтельствующія о неистощимости творческой фантазіи господъ хроникеровъ.

Самая захудалая газета не обходится теперь безъ корреспондентовъ со всѣхъ концовъ земного шара и цѣлой арміи репортеровъ-Шерлоковъ. Въ доброе старое время корреспондентовъ за границей имѣли только болѣе обезпеченныя газеты.

Я зналъ четырехъ корреспондентовъ большой петербургской газеты, жившихъ вмѣстѣ въ двухъ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-то на Николаевской улицѣ и строчившихъ тамъ корреспонденціи изъ Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Пекина. Въ болѣе близкое къ намъ время недавно скончавшійся политическій сотрудникъ большой газеты Б. П. Бурдесъ, жившій на Крюковомъ каналѣ, мысленно переносился ежедневно въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ, составляя корреспонденціи оттуда, а во время русско-японской войны посылалъ свои телеграфныя и почтовые реляціи на китайскихъ джонкахъ, вѣроятно, по Крюкову каналу.

— Отчего это вашъ берлинскій корреспондентъ Оленинъ не заглянетъ никогда къ намъ въ посольство, гдѣ часто бываютъ за свѣдѣніями корреспонденты другихъ газетъ?—спросилъ меня въ бытность мою проѣздомъ въ Берлинъ секретарь нашего посольства князь Волконскій:—непремѣнно попросите его бывать у насъ,—заявилъ съ ехидною улыбкой на устахъ молодой берлинскій дипломатъ.

Съ такими же вопросами могли бы обратиться ко мнѣ и посольскіе чиновники въ Лондонѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ.

Этотъ всесвѣтный корреспондентъ, который могъ одинъ своими оригинальными произведеніями и переводами наполнять ежедневно нѣсколько газетныхъ листовъ,—личность во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательная, и о немъ стоитъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Бурдеса зналъ весь журнальный міръ, и его даже увѣковѣчили въ своихъ романахъ два нашихъ беллетриста, І. І. Ясинскій и О. И. Дымовъ. Хорошій лингвистъ, знатокъ въ области богословія

и отчасти философии, переводчикъ одной изъ книгъ Канта («Грезы духовидца»), Бурдесъ занималъ скромное амплу газетнаго политическаго передовика и переводчика, принадлежа къ числу тѣхъ писателей, имена которыхъ скрыты отъ читающей публики и становятся извѣстными развѣ изъ некрологическихъ замѣтокъ.

При болѣе благоприятныхъ условіяхъ изъ Бурдеса могъ бы выработаться ученый, трибунъ или адвокатъ.

Худенькій, щупленькій, съ кудрявой головою, Бурдесъ производилъ своей наружностью комическое впечатлѣніе, но его глаза свѣтились огнемъ, и его сморщенное лицо загоралось, когда онъ заговаривалъ и вступалъ въ споръ. А спорить онъ могъ безъ конца, цѣлыми часами, о чемъ угодно.

Съ Владимиромъ Соловьевымъ Бурдесъ велъ философскіе диспуты. Съ писателями говорилъ о литературѣ, а съ журналистами о газетахъ. У него былъ неизсякаемый источникъ словъ. Онъ противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагѣ, опрокидывая то, что самъ утверждалъ нѣсколькими минутами раньше. Это была какая-то двойственная надломанная натура, какъ и вся его жизнь. На цѣпочкѣ его часовъ красовался брелокъ съ портретомъ сіониста Герцля, а за жилеткой усмотрѣли у него однажды крестикъ. Въ углу въ его квартирѣ висѣла икона, а въ письменномъ столѣ находились пожелтѣвшій еврейскій молитвенникъ и молитвенное покрывало.

Съ одинаковымъ паѳосомъ Вурдесъ говорилъ и о великости русскаго народа, и объ его неминуемой гибели отъ пьянства и сифилиса. Онъ грезилъ Сіономъ, мечталъ о возрожденіи палестинскаго государства, куда собирался всю жизнь, и въ то же время ругалъ евреевъ, какъ самый отчаянный антисемитъ.

Однажды я получилъ отъ Вурдеса записку съ просьбою пріѣхать къ нему немедленно, такъ какъ онъ долженъ изложить мнѣ свою «послѣднюю волю». Я засталъ его въ постели съ еврейскимъ молитвенникомъ въ рукахъ. Лицо его было мокро отъ слезъ.

— Другъ мой, я умираю. Какъ видите, я молюсь: это молитвенникъ моего покойнаго отца, съ которымъ онъ не разставался до могилы. Прошу васъ и Б. А. Марковича (товарища по газетѣ) быть моими душеприказчиками и отвезти мое многорѣшное тѣло въ Берлинъ, на еврейское кладбище. Тамъ это можно...

Я старался успокоить умирающаго, предложивъ ему, вмѣсто услугъ душеприказчиковъ, услуги врача.

На слѣдующій день я прежде, чѣмъ провѣдать собиравшагося умереть товарища, отправился въ редакцію, гдѣ засталъ Бурдеса на обычномъ мѣстѣ за переводами. Оказалось, что одной ложки кастороваго масла было достаточно, чтобы спасти его отъ близкой кончины.

Въ своихъ политическихъ статьяхъ Бурдесъ развивалъ часто такіе патріотически-шовинистскіе взгляды, что сотрудники съ отвращеніемъ брали газету въ руки. Въ эпоху русско-японской войны, въ день Покрова, онъ закатилъ такую религіозно-шовинистскую передовицу, что всѣ пришли въ ужасъ, а самъ онъ въ душѣ смѣялся надъ своимъ писаніемъ. Газету, въ которой работалъ, и издателя ея Бурдесъ смѣшивалъ съ грязью всюду, гдѣ бывалъ, по предъ издателемъ онъ выражалъ свои восторги о газетѣ, а самого патрона называлъ «краснымъ солнышкомъ, озаряющимъ при своемъ появленіи редакціонный небосклонъ». Бурдесъ выражался всегда выпендренно и витіевато...

Знаніе иностранныхъ языковъ доставило Бурдесу возможность познакомиться съ высшими военными чинами, между прочимъ съ генераломъ Куропаткинымъ, для котораго составлялъ, по его словамъ, рефераты о военныхъ дѣлахъ, по иностраннымъ источникамъ. Это, повидимому, и подало поводъ къ проникшимъ въ 1905 году въ одну газету слухамъ объ особыхъ отношеніяхъ его къ нѣкому учрежденію, гдѣ менѣе всего мѣсто дѣятелю печати.

Бурдесъ работалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Лучѣ» (Вольфа), «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и друг. Изъ его статей можно было составить не одинъ десятокъ томовъ.

Много разъ Бурдесъ выражалъ желаніе вернуться въ лоно еврейства. Но, заболѣвъ, онъ забылъ о еврейскомъ лонѣ, вернулся полумертвый изъ-за границы и обрѣлъ вѣчный покой на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ.

— Съ такимъ лицомъ да въ православной церкви!—замѣтилъ кто-то, когда отпѣвали Бурдеса въ церкви на Смоленскомъ кладбищѣ

V.

Кулачная и словесная полемика.—Образчики полемики.—Издатель, обвинявшій своихъ конкурентовъ въ воровствѣ и взяточничествѣ.—Символическое убійство фельетонистомъ редактора.—Неудобство «однофамельства» съ журналистами.

Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что только военная служба связана съ опасностями. Не безопасенъ и путь журналиста. Съ писателями «полемизируютъ» иногда и кулаками, и съ оружіемъ въ рукахъ.

Къ М. О. Меньшикову явился много лѣтъ тому назадъ въ редакцію покойной «Недѣли» для личныхъ объясненій по поводу его небезосновательныхъ разоблаченій земскій начальникъ Жсденевъ (нынѣшній редакторъ «Грозы») и пустилъ въ ходъ револьверъ.

Въ музеѣ Ф. Ф. Фидлера среди другихъ литературныхъ реликвій хранится палка, которою былъ избитъ одинъ критикъ.

Мартирологъ изувѣченныхъ и избитыхъ въ разное время корреспондентовъ, сотрудниковъ и редакторовъ былъ бы довольно

вепкѣ, если бы кто-либо удосужился регистрировать всѣ факты изъ этой области.

На нашихъ глазахъ произошло нѣсколько избіеній редакторовъ большой петербургской газеты.

Нѣкоторые мои знакомые предусмотрительные редакторы рѣшительно избѣгали личныхъ объясненій съ неизвѣстными имъ посѣтителями, предоставляя это удовольствіе своимъ помощникамъ и секретарямъ. Иные не разставались никогда съ револьверами и палками, даже въ своихъ кабинетахъ.

Извѣстный велосипедистъ и летчикъ Уточкинъ, побившій на своемъ вѣку не одинъ рекордъ, побилъ и немало журналистовъ. То же дѣлалъ извѣстный клоунъ Дуровъ.

Въ послѣдніе годы, съ появленіемъ въ Одессѣ такъ называемыхъ «неизвѣстныхъ молодыхъ людей», вооруженныхъ резиновыми палками, избіеніе журналистовъ сдѣлалось бытовымъ явленіемъ.

Объ угрозахъ избить журналистовъ и говорить не приходится.

Въ редакцію «Новостей» въ 80-хъ годахъ явились для объясненія съ редакторомъ два князя Шаховскихъ, бывший эстляндскій губернаторъ, его братъ, впослѣдствіи начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, и полковникъ графъ А. Д. Милютинъ, сынъ фельдмаршала, на дочери котораго былъ женатъ одинъ изъ Шаховскихъ.

— Вы уполномочены давать намъ объясненія?—спросили меня посѣтителѣ.

— Да, уполномоченъ редакторомъ принять васъ и выслушать,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ спросить, по какому праву вы напечатали въ газетѣ, что княгиня Х. выбросилась изъ желѣзнодорожнаго вагона на австрійской территоріи?

— Я лично, какъ и редакторъ, тутъ ни при чемъ. Мы дали мѣсто сообщенію пользующагося нашимъ довѣріемъ постояннаго корреспондента, появившемуся кстатѣ и въ полученныхъ редакціей вѣнскихъ газетахъ.

— Мы теперь не въ редакціи вѣнскихъ газетъ и намъ до нихъ нѣтъ дѣла. Вы не смѣли печатать о покушеніи княгини, не испросивъ на то разрѣшенія ея близкихъ. Да знаете вы, кто мы и что мы можемъ съ вами сдѣлать! Въ порошокъ сотремъ, къ министрамъ обратимся!—орали все болѣе и болѣе наступавшіе на меня посѣтителѣ.

Я далъ имъ возможность излить свой гнѣвъ до конца и когда они истощили запасъ ругательныхъ словъ и угрозъ, предложилъ имъ дать опроверженіе.

— Еще этого недоставало, опять трепать имя княгини въ печати!

— Какое же другое удовлетвореніе мы можемъ предложить вамъ?—спросилъ я.

— Мы вамъ покажемъ, какое удовлетвореніе!—кричалъ волновавшійся больше всѣхъ графъ Милютинъ.

И посѣтителі ушли, посылая по адресу газеты всевозможныя угрозы.

Дѣло обошлось благополучно, и о немъ не вспомнилъ князь Николай Шаховской, когда занялъ постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, покинутый имъ послѣ появленія пзвѣстнаго фельетона Амфитеатрова въ «Россіи».

И не только обыватели чинятъ нападенія на писателей. Нерѣдко происходятъ потасовки и между самими писателями. Нынѣ здравствующій писатель Л—въ кинулъ однажды чернильницу въ издателя П.

До какихъ крайностей и эксцессовъ доходила порою личная перебранка писателей и взаимная травля—это болѣе или менѣе извѣстно слѣдившимъ за нашею журналистикою.

Заслуженный писатель П. Д. Воборыкинъ заявилъ во время юбилейнаго чествованія его, не безъ чувства горечи:

— Двадцать пять лѣтъ подъ рядъ меня вышучивали и травили, а пятнадцать лѣтъ—обидно замалчивали...

Во взаимной писательской травлѣ одинаково принимали участіе и либеральные, и нелиберальные писатели.

«Дѣло», въ отвѣтъ на справедливое негодованіе покойнаго Богушевича въ «Литературной Библіотекѣ» по поводу статьи въ благосвѣтловскомъ журналѣ «О литературныхъ приживалкахъ и содержанкахъ», разразилось слѣдующею филиппикою: «господинъ имя рекъ разыгрываетъ изъ себя рыцаря; онъ вступился за литературныхъ дамъ, забывая, что въ литературѣ нѣтъ пола: какъ самъ имя рекъ есть публичный мужчина, такъ и защищаемыя имъ дамы—публичныя женщины»...

Помню, какое негодованіе вызвалъ со стороны Н. С. Лѣскова критическій лексиконъ А. М. Скабичевскаго, назвавшаго романы писательницы Ахматовой «мерзопакостными», «гнусными» и т. п. эпитетами. Лѣсковъ справедливо указывалъ, что критика не нуждается въ такихъ эпитетахъ для оцѣнки разбираемыхъ литературныхъ произведеній...

Какъ образчикъ литературной полемики, можно привести слѣдующее «морсо» изъ фельетона одного стараго критика:

— Ты знаешь,—спрашиваетъ писатель М—чъ своего коллегу Г—скаго:—какое между нами сходство? Мы оба глупы, наглы и грязны въ своихъ произведеніяхъ.

— Да, это правда!—отвѣчаетъ Г—скій..

Такихъ образчиковъ полемическаго жаргона можно было бы привести немало.

Петербургскимъ писателямъ-полемистамъ особенно усердно по-дражали всегда одесскіе писатели, доходившіе порою до геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ полемическихъ приемахъ... И чѣмъ вліятельнѣе были газеты и ихъ сотрудники, тѣмъ яростнѣе пападали на нихъ конкуренты.

Едва въ «Одесскомъ Листкѣ» появилась замѣтка издателя о приглашеніи меня въ качествѣ завѣдующаго редакціею, какъ я былъ облилъ цѣлымъ ушатомъ помоевъ. Меня такъ основательно вымазали грязью, что я готовъ былъ уложить чемоданы и вернуться во-свояси. Зная болѣе или менѣе жестокіе нравы одесскихъ писателей, я рѣшилъ было до поры, до времени оставлять измышленія на мой счетъ безъ отвѣта, но находившійся случайно въ Одессѣ талантливый писатель Н. В. Максимовъ (братъ автора «Бродячей Руси» и др.) вознегодовалъ:

— Какъ! О васъ пишутъ всякія небылицы, а вы будете отмалчиваться! Да они Богъ знаетъ, до чего договорятся! Я бы не такъ реагировалъ...

— Но измышленія слишкомъ очевидны и явны, репутація «Новороссійскаго Телеграфа» довольно установившаяся, и этой газетѣ я доставлю только удовольствіе, выступивъ на полемическій турниръ,—отвѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ мѣсто для отповѣди «Новороссійскому Телеграфу», какъ писателю, знающему васъ...

И въ «Одесскомъ Листкѣ» появилось горячо написанное письмо въ мою защиту, не спасшее меня, разумѣется, отъ дальнѣйшихъ нападокъ и инсинуацій на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа».

Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій на банкетѣ при открытіи въ Одессѣ выставки домоустройства публично обвинялъ своего конкурента издателя «Одесскихъ Новостей» Старкова въ воровствѣ, ссылаясь на публикацію милліонера Ралли о лишеніи его довѣренности. Публикація эта, сданная для помѣщенія въ газетѣ одинъ-два раза, не сходила со столбцовъ «Одесскаго Листка» въ теченіе продолжительнаго времени, хотя она не была оплачена, и печаталась крупнымъ шрифтомъ на первой страницѣ. Другого издателя, Озмидова, тотъ же Навроцкій обвинялъ въ полученіи взятки у военныхъ поставщиковъ, и дѣло дошло у нихъ даже до драки въ клубѣ, въ присутствіи многочисленной публики. Въ ходѣ едва не былъ пущенъ револьверъ.

Нынѣ здравствующій писатель П. А. Сергѣенко изувѣчилъ въ Одессѣ журналиста Б—скаго, который долго послѣ этого не разставался съ повязкою и бинтами.

Въ той же Одессѣ покойный фельетонистъ баронъ Иксъ, разсердившись за что-то на своего редактора и коллегу А. С. Попандупуло, бросился съ револьверомъ на его портретъ и прострѣлилъ

его. Послѣ этого символическаго убійства убійца и убитый мирно продолжали работать въ одной газетѣ.

Быть въ шкурѣ русскаго журналиста—удовольствіе небольшое. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ я встрѣчался въ редакціи еженедѣльной петербургской газеты съ моимъ однофамильцемъ Аркадіемъ Кауфманомъ, отцомъ нынѣ хорошо извѣстнаго профессора статистики и специалиста по переселенческимъ и землеустроительнымъ дѣламъ А. А. Кауфмана. Аркадій Кауфманъ меценатствовалъ и жертвовалъ большія суммы на благотворительныя дѣла.

— Прошу васъ въ личное мнѣ одолженіе,—сказалъ мнѣ шутя мой однофамилецъ,—не задѣвать никого въ своихъ статьяхъ...

— Почему это вамъ вздумалось просить меня объ этомъ?—недоумѣвалъ я.

— Видите ли, многіе приписываютъ мнѣ появляющіяся за вашей подписью статьи. Неровенъ часъ,—и меня за васъ еще вздуютъ. Не печатать же мнѣ письма въ редакцію, что я прошу не смѣшивать меня съ другимъ А. Кауфманомъ.

— Но я увѣренъ,—отвѣтилъ я:—что никто мнѣ не приписываетъ и не станетъ никогда приписывать вашихъ крупныхъ пожертвованій, о которыхъ часто сообщается въ той же газетѣ, гдѣ я работаю...

VI.

Плагіатъ во всѣхъ его видахъ и формахъ.—Жертвы плагіата.—Пушкинъ, Плещеевъ, Языковъ и Гнѣдичъ.—Премія за украденную пьесу.—Автоплагіатъ.—К. В. Назарьева.—Фабрика повѣстей и романовъ.—Перелицовка литературнаго старья.—К. Н. Станюковичъ.—Литературные маклера.—Чайковскій о своемъ автоплагіатѣ.—А. Г. Рубинштейнъ и плагіатъ.

Плагіатъ въ нашей печати—явленіе довольно распространенное. Памятенъ еще многимъ плагіатъ Гордика, самымъ безцеремоннымъ образомъ подводившаго редакцію «Нивы» и другихъ, которымъ подсовывалъ чужія произведенія, выдавая ихъ за свои собственныя.

Одному московскому издателю кто-то подsunулъ пушкинскую «Капитанскую дочку».

Еще на дняхъ, говорятъ, писатель продалъ одновременно за очень приличную сумму большой газетѣ и новому журналу записанный со словъ Пушкина рассказъ, воспроизведенный въ вышедшей недѣлей раньше книгѣ. Обманъ былъ обнаруженъ, когда писатель успѣлъ уже получить значительный авансъ.

На своемъ долгомъ вѣку мнѣ не разъ приходилось имѣть дѣло съ плагіаторами.

Въ редакцію одесской газеты нѣкто Г—нъ сталъ поставлять мнѣ превосходныя статьи, преимущественно по экономическимъ вопросамъ. Отъ гонорара новый сотрудникъ отказывался, какъ чело-

вѣкъ со средствами: онъ былъ землевладѣльцемъ на Кавказѣ, гдѣ имѣлъ и нотаріальную контору. Единственное условіе печатанія статей—полная подпись автора. Я помѣстилъ двѣ статьи—одну о хлѣбной торговлѣ Россіи и Америки, а другую—подъ заглавіемъ «Экономическія параллели». Черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что дѣйствительнымъ авторомъ первой статьи былъ профессоръ Р. В. Орбинскій. Статья Орбинскаго явилась результатомъ командировки его въ Америку министерствомъ финансовъ и была напечатана задолго до ея появленія вторымъ изданіемъ въ одесской газетѣ въ катковскомъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Другая статья, за подписью Г—на, оказалась пересказомъ очерковъ Д. Л. Мордовцева, появившихся въ «Дѣлѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Редакторъ, будь онъ семи пядей во лбу, не можетъ услѣдить за плагиаторами, особенно если ему преподносятся не произведенія классиковъ, вроде «Капитанской дочки».

Одна милая барышня доставила мнѣ однажды прекрасный переводъ гейневскаго стихотворенія. Нѣмецкаго поэта переводили Плещеевъ, Михайловъ, Вейнбергъ и многіе другіе. Сличать доставленный переводъ съ уже существующими не представлялось возможнымъ, и онъ былъ помѣщенъ въ газетѣ. Обнаружилось, что юная поэтесса списала переводъ А. Н. Плещеева.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна писательница-графоманка помѣстила за своею подписью въ театральномъ журналѣ стихотвореніе нынѣ здравствующаго П. П. Гнѣдпча въ расчетѣ на то, что маленькій журнальчикъ не попадетъ на глаза автору.

Редакція петербургскаго еженедѣльника получила изъ провинціи стихотворный переводъ псалма Давида. Секретарь редакціи прочиталъ стихотвореніе на редакціонномъ собраніи. Всѣ единодушно привѣтствовали, въ лицѣ автора, новое восходящее поэтическое дарованіе, и стихотвореніе принято было къ напечатанію. Наканунѣ его помѣщенія предусмотрительный издатель полюбопытствовалъ узнать, на какой гонораръ разсчитываетъ молодой поэтъ. Я заглянулъ въ приложенную къ стихотворенію прозу—письмо автора,—и ахнулъ: что ни слово, то орфографическая ошибка и безграмотность. Естественно возникъ вопросъ о плагиатѣ, сдѣлали розыски, и обнаружилось, что дѣйствительнымъ авторомъ стихотворенія былъ старый, забытый поэтъ Языковъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ я встрѣчалъ въ Одессѣ драматурга Ге, выступившаго претендентомъ на учрежденную одесскимъ меценатомъ Вучиной премію за лучшія и оригинальныя драматическія произведенія. И Ге получилъ премію—«на новыхъ началахъ»,—такъ называлась драма, украденная у польскаго драматурга Залевскаго.

Облюбовалъ другого польскаго драматурга старый писатель-диллетантъ Никодимъ Г—гъ, военный врачъ, кажется, генералъ. Въ портфель редакціи не было подходящей беллетристики.

— Въ ожиданіи лучшаго, — сказали редакторъ, — будемъ печатать драму, которую и озаглавили: «Въ ожиданіи лучшаго», благо и въ монологѣ героя оказались эти слова. Только издатель пробовалъ было протестовать съ издательской точки зрѣнія противъ увлеченія одного изъ героев куреніемъ.

— Помилуйте, — сказалъ онъ, полушутя: — герой то и дѣло курить, сопровождая куреніе восклицаніями: «уфъ, уфъ», а за каждое «уфъ» приходится платить по семи копеекъ: вѣдь на всѣ эти семикопеечники можно купить пудъ самаго лучшаго турецкаго табаку...

Каково было огорченіе редакціи, когда въ другой газетѣ было указано, что оригинальная драма драматурга-врача украдена у польскаго драматурга.

Авторъ, приглашенный въ редакцію, выслушавъ репримандъ, отправился, однако, въ контору за полученіемъ гонорара.

Какой-то московскій фальсификаторъ выпустилъ въ слегка передѣланномъ и дополненномъ видѣ книжку автора этихъ строкъ — «Коронованный узникъ».

Редакторъ органа малой прессы К — въ заказывалъ своему сотруднику Г — е передѣлки чужихъ романовъ, какъ откровенно сознался уличенный въ плагіатъ передѣльватель.

Кромѣ «передѣльвателей», завелись въ сравнительно недавнее время и «додѣльватели», заканчивающіе отъ своего имени чужія несовершенныя произведенія. Нѣкто Рапгофъ, онъ же гр. Амори, «додѣлавшій» «Ключи счастья» Вербицкой и «Яму» Куприна, угрожалъ послѣднему обвиненіемъ въ контрафакціи, если въ написанной имъ второй части романа окажутся тождественныя мѣста. Между тѣмъ Купринъ имѣлъ неосторожность давно уже огласить свою фразу въ печати, чѣмъ и воспользовался ловкій «додѣльватель» чужихъ произведеній...

Кромѣ плагіатовъ, извѣстны въ литературѣ и автоплагіаты: одно и то же произведеніе печатается одновременно или въ разное время въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Этотъ видъ плагіата очень приписывается у насъ и не вызываетъ ни въ комъ осужденія.

Покойная К. В. Назарьева, изумлявшая всѣхъ своей необычайно плодovitостью, какъ и ея соратница по женскому беллетристическому рукодѣлію Е. О. Дубровина, помѣщала свои произведенія въ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ самаго разнообразнаго направленія, повторяя много разъ одни и тѣ же сюжеты. Ея кабинетъ являлся цѣлою литературною фабрикою. Гонораръ писательница получала не очень большой и напрягала всѣ свои писательскія силы, что не могло не отражаться на ея несомнѣнномъ беллетристическомъ дарованіи.

Кромѣ беллетристики, Назарьева печатала интересныя публицистическія бесѣды, за подписью Н. Левинъ и даже не брезгала

корректурой, откликнувшись на мое объявленіе о приглашеніи корректора на скромный окладъ въ еженедѣльникѣ. Тогда же я познакомился съ Назарьевой: это было въ самомъ концѣ семидесятихъ годовъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ писательница предложила мнѣ свои услуги, но одновременное помѣщеніе ею своихъ произведеній въ правомъ «Лучѣ» Окрейца побудило редакцію «Одесскаго Листка» отказаться отъ услугъ писательницы.

Когда у Назарьевой не хватало писательскаго творчества для обслуживаемаго ею множества изданій, она прибѣгала къ морфію, сведшему ее преждевременно въ могилу.

Когда и морфій не помогаль, выбивавшаяся пзъ силъ бѣдная писательница, обремененная большою семьею, продавала газетамъ и журналамъ ранѣе напечатанные повѣсти и рассказы въ слегка передѣланномъ видѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ она предложила помѣстить въ одесской газетѣ уже напечатанный романъ, причемъ обѣщала придать ему локальный колоритъ, перенести дѣйствіе въ Одессу и дать героямъ болѣе близкія одесскому читателю имена и фамиліи.

— Почему это вамъ понадобилось перекраивать вторымъ изданіемъ ранѣе напечатанную вещь, когда вы съ такой легкостью пишете свои романы?—спросилъ я Назарьеву, гостившую въ Одессѣ на лиманѣ.

— Деньги нужны, батенька, не хватаетъ. Семья большая...— жаловалась писательница-труженица.

Часто Назарьева сама создавала искусственно темы для своихъ романовъ, какъ я имѣлъ возможность наблюдать на лиманѣ: она знакомила своихъ сосѣдей, сближала ихъ, ссорила, мирила,—и въ результатъ—фабула для новаго романа. Такъ писался на моихъ глазахъ романъ изъ жизни обитателей одесскаго «Лурда».

Въ оправданіе Назарьевой, могу сказать, что и болѣе крупные писатели не задумывались печатать по нѣсколько разъ свои произведенія въ періодическихъ изданіяхъ. Я обратился въ началѣ девяностыхъ годовъ къ жившему въ Москвѣ К. Н. Станюковичу съ просьбою дать нѣсколько морскихъ рассказовъ для издававшейся въ приморскомъ городѣ газеты.

— Изданіе мнѣ правится, только меньше двѣнадцати копеекъ за вашу, хотя и короткую, строчку я брать не могу!—объявилъ мнѣ Станюковичъ.

Я, разумѣется, изъявилъ полное согласіе. Писатель вышелъ въ сосѣдную комнату, откуда черезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ ворохъ вырѣзокъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей» со своими рассказами. Я поблагодарилъ и отказался перепечатывать рассказы изъ распространенной газеты, да еще съ уплатою большого, по тогдашнему времени, для провинціального органа построчнаго гонорара.

Въ литературныхъ кружкахъ завелись даже одно время маклера, промышлявшіе продажею газетамъ и журналамъ напечатанныхъ уже произведеній именитыхъ писателей, причемъ гонораръ дѣлился поровну между маклерами и авторами. Одного такого маклера можно было встрѣчать въ посѣщаемомъ литераторами ресторанѣ «Вѣна» въ Петербургѣ.

А. Г. Рубинштейна обвиняли, что онъ сплагіатировалъ у барона Фитингофа-Шелля оперу «Демонъ», по это плодъ баронской фантазіи: либретто для Рубинштейна написалъ профессоръ П. А. Висковатовъ по лермонтовскому «Демону», а музыка Рубинштейна похожа на фитингсфскую, какъ «Русалка» на «Риголетто»: такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ мнѣ хорошо знакомый съ обоими «Демо-нами» профессоръ композиторъ Н. О. Соловьевъ.

Кромѣ плагіата, заслуживающаго порицанія, есть и плагіатъ законный и допустимый: беллетристы возвращаются часто къ прежнимъ героямъ, поэты печатаютъ перепѣвы своихъ же стихотвореній, а композиторы повторяютъ свои мелодіи. Такія повторенія часто неизбѣжны.

П. И. Чайковскій далъ при мнѣ остроумный отвѣтъ извѣстному оперному маэстро Эммануэлю. Въ одесскомъ театрѣ шли оперы Чайковскаго одна за другою, подъ его личнымъ управленіемъ. На ренетиціи Эммануэль заявилъ какъ-то композитору:

— А знаете, Петръ Ильичъ, въ «Мазепѣ» попадаютъ сюансы изъ «Евгенія Онѣгина» и «Пиковой дамы».

— А знаете, маэстро,—отвѣтилъ ему въ тонъ Чайковскій:—и «Мазепа», и «Евгеній Онѣгинъ», и «Пиковая дама»—мои оперы.

Эммануэль понялъ неумѣстность своего заявленія.

VII.

Изъ копилки газетныхъ курсовъ, ошибокъ, опечатокъ и lapsus'овъ.—Сочинители гг. Idem и Ibidem.—Заживо похороненные и воскресшіи Ж. Фавръ.—Маковский, вмѣсто Микѣшина.

Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Журналистамъ приходится работать спѣша, а потому у каждаго на совѣсти имѣются вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Покойный «Голосъ» выдумалъ не существующую «Цанрадскую желѣзную дорогу» въ Швейцаріи. Въ дѣйствительности, рѣчь шла о зубчатой (Zahnrad) дорогѣ на одну изъ горъ Альпъ.

Въ той же газетѣ было какъ-то объявлено, что «хорошо быть генераломъ»: *bien-être général* (общее благосостояніе). Многимъ памятно еще «Дуаенъ Даге» (*Doyen d'âge*) и знаменитая корова вмѣсто королевы, превращенной въ поправкѣ—въ ворону.

Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» во время франко-прусской войны получена была телеграмма изъ Парижа объ общемъ сборѣ по оружію.

Французскій текстъ гласилъ: «Ce soir on a battu générale à Paris». Редакторъ Сакальскій перевелъ буквально такъ: «Сегодня въ Парижѣ побили генеральшу», а въ скобкахъ редакторъ вопрошалъ: «какую генеральшу?»

Сотрудникъ еженедѣльника, не совсѣмъ твердый въ русской грамотѣ, говоря о неудачномъ покушеніи на кого-то, выразился такъ: Х. едва не погибъ «злодѣйскою смертію», вмѣсто—отъ руки злодѣя.

Тотъ же писатель имѣлъ обыкновеніе начинать свои статьи стереотипною фразою: «Читателямъ нашимъ уже извѣстно», а затѣмъ лишь начиналъ обдумывать, о чемъ ему писать. И получались большіе курьезы, вродѣ: «Читателямъ нашимъ извѣстно, что у насъ существуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ»... Далѣе слѣдовала критика какого-нибудь маловажнаго циркуляра или мѣропріятія министерства.

Можно посвятить не одну страницу курьезнымъ газетнымъ печаткамъ и обмолвкамъ.

Въ редакціи одной старой петербургской газеты существовалъ обычай наклеивать на стѣнѣ всѣ газетныя печатки. И получилась богатая, интересная коллекція, смѣшившая всѣхъ больше, чѣмъ всѣ «Стрекозы» и «Сатириканы», вмѣстѣ взятые.

Издатель «Новороссійскаго Телеграфа» М. Л. Озмидовъ, который больше своихъ сотрудниковъ забавлялъ корректоровъ своими собственными ошибками, штрафовалъ за каждую обнаруженную печатку. И часто корректора не дополучали значительной части своего жалованья. Однажды Озмидовъ зачеркнулъ въ корректурѣ слово «эксперименты», сдѣлавъ отмѣтку на поляхъ: «слово неудобное и неприличное». Очевидно, просвѣщенный редакторъ смѣшалъ «эксперименты» съ однозвучнымъ, дѣйствительно неудобнымъ въ печати словомъ.

О степени образованности иныхъ писателей можно судить по слѣдующему факту, который просится въ коллекцію курьезовъ.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ нашумѣлъ «писатель» Брафманъ своимъ сочиненіемъ «О кагалѣ», въ которомъ воздвигнуть былъ рядъ обвиненій противъ бывшихъ соплеменниковъ писателя. «Кагалъ» сдѣлался настольной книгою для всѣхъ писавшихъ противъ евреевъ. Даже либеральный «Голосъ» дѣлалъ на него ссылки.

Авторъ «Кагала», встрѣтивъ завѣдующаго въ императорской публичной библиотекѣ отдѣломъ «Judaica» извѣстнаго гебраиста профессора А. Я. Гаркави, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, А. Я., кто эти всезнающіе авторы *Idem* и *Ibidem*, труды коихъ цитируются рѣшительно во всѣхъ сочиненіяхъ, которые мнѣ приходилось разсматривать? Что это за энциклопедисты такіе?

Рѣдкій изъ журналистовъ не хоронилъ преждевременно какой-нибудь знаменитости. Много разъ отправляли преждевременно ад ратрес римскихъ папъ, князя Бисмарка, афганскаго хана, абиссинскаго негуса Менелика, знаменитаго терапевта Боткина и другихъ. Мнѣ самому случалось писать некрологи живымъ мертвецамъ. Но однажды я искупилъ свой грѣхъ, воскресивъ изъ мертвыхъ знаменитаго французскаго адвоката и политическаго дѣятеля Ж. Фавра. Дѣло было въ восьмидесятыхъ годахъ. Въ воскресный день сотрудникъ и корректоръ газеты К—кій протелефонировалъ мнѣ вечеромъ на квартиру, что получена телеграмма изъ Парижа о сформированіи кабинета Ж. Фавра.

— Не Жюль Ферри ли?—спросилъ я.—Вѣдь Фавръ, сколько мнѣ помнится, умеръ.

— Нѣтъ, Фавръ!—настаивалъ К—кій.

Нужно было написать замѣтку. Справочныхъ изданій въ провинціальныхъ редакціяхъ тогда не водилось, эфронскаго энциклопедическаго словаря не существовало еще. Пришлось обратиться къ имѣвшемуся у меня ключниковскому словарю 1878 года, гдѣ Фавръ числился еще живымъ. Поздно ночью корректоръ спохватился, что-то переправилъ,—и въ результатѣ получилось нѣчто крайне несуразное.

Когда стали входить въ моду иллюстраціи къ тексту и портреты разныхъ дѣятелей, число газетныхъ курьезовъ увеличилось. Сплошь и рядомъ подъ портретами дипломатовъ красовались фамиліи художниковъ,—и наоборотъ. Далай-ламу смѣшивали съ индійскимъ раджей, богдыхана съ претендентомъ на мароккскій престолъ и т. д.

По случаю какого-то юбилея художника М. О. Микѣшина я помѣстилъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» его біографію. Хроникеръ газеты взялся достать портретъ юбиляра, котораго я лично не зналъ. Прошло нѣсколько дней, и я получилъ отъ М. О. Микѣшина слѣдующее письмо: «Вы извоили вспомнить мой академическій юбилей, за что я вамъ глубоко обязанъ. Но вами помѣщенъ портретъ, кажется, извѣстнаго путешественника Миклухи-Маклая, то есть брונета съ бородою, и подъ этимъ портретомъ напечатана моя фамилія. «Якъ бѣлорусскій панъ, я зроду бороды не носивъ»...

Въ дѣйствительности же то былъ портретъ одного изъ Маковскихъ, а не Миклухи-Маклая, котораго я лично зналъ, познакомившись съ нимъ въ редакціи «Новостей».

А. Е. Кауфманъ.

